Сын партизана

ДЕТГИЗ

ОИК

АВГУСТ ЯКОБСОН

СЫН ПАРТИЗАНА

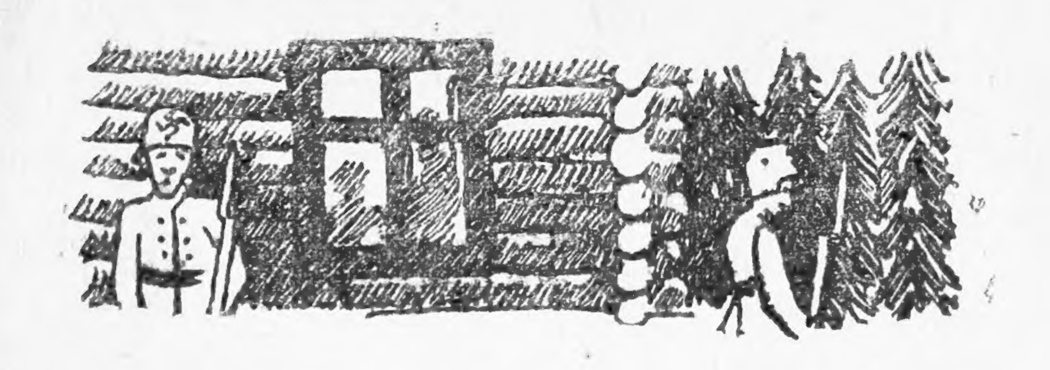
★

МАРТ РАУД

ОТЕЦ

Перевод с эстонского
Л. ТООМ
Рисунки
Б. ЛУКАЦА

Государственное Издательство Детской Литературы
НКП РСФСР
Москва 1942 Ленинград

СЫН ПАРТИЗАНА

Их схватили ночью, на пути из леса в деревню. Целый день пытали и мучили их в старой помещичьей винокурне, а вечером повесили. Когда их вели по улице, они с трудом держались на ногах — трое рослых, мужественных людей, окровавленных, но попрежнему твердых, упрямых, какими они были во время недавней своей борьбы. Перед волостным правлением их привязали к столбам, врытым в землю, и затем им пришлось ожидать, пока со всего округа согнали народ. После этого власти даже произнесли небольшую речь по поводу преступления партизан, пока наконец не раздались слова команды, а затем все было кончено.

Люди, пришедшие снизу, из бедняцкого поселка, которых установили ближе всех к осужденным, молча наблюдали за казнью и молча разошлись после нее — они больше не оплакивали своих покойников, но хорошо всё запомнили и ждали лучших времен. И похоже было, что им нечего сказать в утешение даже тому невысокому смуглому мальчику, который глазами, полными отчаяния, вместе с другими смотрел на казнь, а теперь вместе с ними же быстро шагал к деревушке, расположенной у края болота.

У выгона Антс остановился под старой плакучей березой. И те, кто украдкой наблюдали за ним, поняли, что ему хочется оглянуться назад и что ему сейчас очень тяжело. Свесившиеся ветви березы тихонько качались над головой мальчика, и когда он прислонился к толстому стволу дерева, ему показалось, будто и ствол слегка раскачивается.

Антс подождал, пока не остался совсем один, и тогда медленно повернул голову. Он ясно разглядел их отсюда, точно так, как они стояли там, тяжело опустившись на связывавшие их веревки, с головами, свесившимися на грудь, будто они заснули в ожидании. Да, его отец находился посредине, а те двое, что стояли по обе стороны от него, были Антсу совсем незнакомы.

Впервые за весь день Антс потерял власть над собой, сжал кулаки и заплакал. И сквозь слезы продолжая глядеть на казненных, он подумал, что теперь он с бабушкой остался один, по-

тому что мать, бедняжка, погибла еще раньше, в дни июльских сражений.

Постояв еще немного, Антс снова зашагал. Наступал вечер; с полей неслись неясные запахи, тихий, теплый ветер прошелестел сквозь кусты орешника, на небе плыли легкие гроздья облаков, не предвещавших дождя, — путь их лежал с востока на запад. Усадьбы и рощи, видневшиеся в окружности, тонули в серых сумерках; было уже около девяти часов вечера, приближалась ночь.

Углубившись в свои мысли, ставшие вдруг по-взрослому трезвыми, деловитыми, мальчик дошел до ольшанника, за которым начиналось болото. Вдруг он услышал, как кто-то за его спиной перескочил через канаву, и прежде чем он успел оглянуться, его взяли под руку и тихий, глубокий голос произнес дружелюбно:

— Добрый вечер, сынок.

Антс остановился и быстро обернулся. Человек, оказавшийся перед ним, был лишь немного выше его, но широкие угловатые плечи его, словно вытесанные из цельного дерева, дышали силой. На нем были высокие сапоги и рубаха из грубой парусины, цвет которой сливался со слегка выцветшей августовской зеленью леса. Порывы ветра, дувшего ему в затылок, шевелили светлые, выгоревшие космы его отросших волос, придававших ему вид беззаботного бродяги.

— Здравствуйте, — коротко ответил мальчик.

— Ты... оттуда?

— Да.

Мужественное покрытое щетиной отросшей бороды лицо незнакомца попрежнему оставалось спокойным, но его ярко-голубые глаза вдруг сделались очень пристальными, будто он хотел своим пытливым, все подмечающим взглядом проникнуть в глубину сердца собеседника. И наконец он произнес еще тише, чем раньше:

— Не падай духом, дружок! Отец твой был очень мужественным человеком. Его рука ни разу не дрогнула, нанося удар по врагу, а дух не поколебался даже тогда, когда мы потеряли наших лучших бойцов. А ты, ты постарайся во всем походить на него.

Антс, в свою очередь, внимательно оглядел незнакомца в парусиновой рубашке; он знал теперь, с кем разговаривает, и спросил наконец:

— Так вы... знали его?

— Знал. Около двух месяцев мы работали вместе. Может быть, ты слыхал: я тот самый Кууск, за голову которого предлагают изрядную сумму.

— Ах, вот что... так вы тот самый Кууск, — просто сказал Антс, ощутив вдруг гордость при мысли, что отец боролся рука об руку с этим всем известным героем.

А партизан нежно пожал мальчику локоть и сказал:

— Не думай, что я призываю тебя к бессердечию. Нет. Тех, кто нам дорог, мы никогда не

должны забывать. И когда-нибудь, завоевав победу, мы устроим великую перекличку, мы вспомним имена всех, кого потеряли в нынешней схватке. И тогда у нас хватит времени, чтобы оплакивать своих родных и друзей... Между прочим, сколько тебе лет?

— Пятнадцать, — ответил Антс.

Они давно уже свернули с шоссе и продолжали путь по густым зарослям лесной чащи. И, снова выйдя на открытое место, партизан остановился и сказал:

— Да, приятель, духом падать не стоит. И не забывай, что ты не один. Мы всегда будем иметь тебя в виду. Если тебе нужно что-нибудь сообщить нам, напиши записку и приходи к ручью у края болота. Обрати внимание на сосну с раздвоенной вершиной, на стволе которой срезано немного коры. Под корнями этой сосны имеется углубление. Поищи — найдешь. Обычно кто-нибудь из товарищей даже дежурит там. Запомнишь?

— Запомню... конечно, запомню... — растроганно пробормотал Антс.

Партизан улыбнулся и махнул рукой. И мальчик снова очутился один в сгустившихся сумерках наступающей ночи.

* * *

Трупы трех казненных партизан, привязанные к столбам, целую неделю висели перед волостным правлением, и мальчик каждый вечер поднимался

на пригорок, чтобы взглянуть на них. И когда они наконец все же исчезли оттуда вместе с охранявшими их немецкими часовыми, он словно избавился от тяжелого кошмара, день и ночь мучившего его.

И тогда жизнь его превратилась в одно сплошное внимание, зоркое наблюдение за всем, что происходило кругом. Ни одна мелочь не ускользала от его взгляда.

Внешне он казался спокойным, даже веселым. Да, он производил впечатление человека, быстро все забывающего. Он шатался повсюду, появлялся то здесь, то там, болтал, вступал в беседу даже с хозяевами из богатого села, которые не давали себе труда скрывать свои симпатии к немцам. Круг его знакомых расширялся с каждым днем и вскоре вышел за околицу родного села. И часто глазами и ушами этого запыленного мальчугана служили люди, сами не подозревавшие об этом: тут он слышал одну интересную для него фразу, там другую, третий прибавлял третью, четвертый ронял четвертую... Антс дал партизанам нужные сведения о двух немецких танках, которые вскоре взлетели на воздух; он же принес на условленное место сведения о переселении немецкого тылового штаба в здание начальной школы (школа вскоре сгорела до самого фундамента, похоронив под своими развалинами убитых и раненных взрывом гранат господ офицеров), и, наконец, он же и разузнал час, когда из имения должен был выехать обоз с зерном. Судьба обоза

решилась на том самом месте, где погибли и те два стальных чудовища.

Но все это казалось случайным, сам Антс не придавал этому особого значения. Когда Антс оставался один — если бабушка уходила к соседке облегчить душу беседой или спала на койке за печкой, — Антс думал и мечтал о гораздо большем, о чем-то таком, что можно было бы увидеть за сотни верст. Он чувствовал себя так, будто взял на себя заботу о могиле отца и будто все, что он до сих пор совершил, было камешками, которые он собирал, чтобы соорудить памятник отцу. Но до сих пор камешки эти были слишком мелкими, легкими, незначительными, среди них не было ни одной настоящей большой глыбы.

И вот в один прекрасный день Антс нашел то, что искал. Он бродил в этот день вдалеке от родной деревушки, забрел на болото. Присев отдохнуть на одном из бугорков, он заметил вдруг группу самолетов, направлявшихся к болотистым лугам, расположенным на западе. И странно: долетев до места, где, как было известно Антсу, была самая непроходимая чаща, самолеты один за другим начали приземляться, исчезая за вершинами деревьев, словно падая в густые заросли.

Антс вскочил на ноги, во рту у него пересохло. Он был в таком возбуждении, что охотно пустился бы бежать, не разбирая дороги. Он твердо знал теперь, что именно там и находится тот тайный склад боеприпасов, о котором его давно просили разузнать.

Мальчик зашагал вперед, передвигаясь так осторожно, что даже сам не слышал шелеста своих шагов.

Через несколько часов, сидя тихонько на вершине одной из самых высоких елей, давая себя раскачивать крепчавшему ветру, он точно разведал все, что ему было нужно.

Этим вечером он долго пролежал в кустах на берегу ручья, беседуя с товарищем Кууском, описывая ему все с исключительной точностью. И он был бесконечно счастлив, когда командир партизан сказал ему наконец:

— Ну, хорошо, братец, ты все это проделал мастерски. Мы давно держали на примете те районы, но местные ребята, повидимому, поленились довести разведку до конца. Так что завтра ночью мы эту шайку накроем.

— Завтра ночью? — переспросил Антс.

— Да, потому что для такого большого дела придется собрать побольше народу, да и план надо разработать как следует. Нашего здешнего десятка тут нехватит.

— Да, десятка будет мало, — кивнул Антс.

Когда он через какой-нибудь час сквозь синеющую сентябрьскую ночь прокрался домой, он все еще был в таком возбуждении, что долго не мог заснуть.

Но потом он заснул и видел во сне, будто отец жив, сидит в ногах его постели и рассказывает ему какую-то длинную историю и он, Антс, испытывает счастье, слушая его.

На следующее утро шел дождь и было ветрено. Во всем чувствовалась осень. С полей не доносились запахи цветов и хлеба, и серое облачное небо казалось холодным, враждебным. С ветвей деревьев, росших за окном, лилась вода; она длинными струями стекала по стволу и капала с желтеющих листьев. Но земля, по-летнему сухая, еще не пропиталась водой и пила ее большими глотками.

Бабушка хлопотала где-то в сарае, и Антс, настроение которого и сегодня было приподнятым, пройдя по мокрой мураве двора, быстро зашагал по шоссе, подняв до ушей воротник старого дождевика.

Он шагал и шагал, а радость его все росла. Это радостное возбуждение сделало его таким рассеянным, что он долго не замечал догонявшего его рослого сильного кайцелийтовца [1], шагавшего теперь почти рядом с ним и оглядывавшего его своими прищуренными глазами.

Произошло ли это случайно или в Антсе действительно проснулся инстинкт, предупреждающий об опасности, но мальчик вдруг остановился и оглянулся. Взгляд его встретился со взглядом попутчика. Некоторое время они с острым вниманием смотрели друг на друга, и мальчик вдруг сообразил, что ведь это новый волостной старшина, владелец большой усадьбы Андерсон. Значит, они его все-таки поймали...

[1] Кайцелийтовец — член эстонской фашистской организации, существовавшей до освобождения Эстонии.

Как раз в тот момент, когда Антс собирался сойти с шоссе, чтобы, обогнув угол поля, скрыться в лесу, сильная рука попутчика схватила его за локоть. Мальчику было очень больно, но он не пикнул. Из-под темнокоричневых усов кайцелийтовца показалось два ряда широких зубов, разжавшихся с легким щелкающим звуком, словно для того, чтобы пропустить насмешливый вопрос:

— Эй, паренек, куда ж ты опять торопишься?

— Как куда? Никуда. Просто так, — ответил Антс.

— Ага, просто так, — произнес кайцелийтовец и зло рассмеялся. И, не отпуская Антсовой руки, он продолжал: — Шустрый ты малый, как я погляжу... все бродишь просто так. А знакомые и приятели у тебя имеются всякие. Их у тебя порядочно, не так ли?

— Ничего не порядочно, в своем округе я знаю народ так же, как и ты.

— Конечно, конечно.

Старшина кивнул, продолжая смеяться. Некоторое время они шли молча. И наконец мальчик тихо спросил:

— Зачем ты держишь меня?

— Я?! Держу тебя?! Не говори глупостей, дружок! — воскликнул старшина. И, притворяясь дружелюбным, продолжал медовым голосом: — Я только взял тебя под руку и... все. Между прочим, дорогое дитя, если ты не особенно спешишь,

ты, может быть, прогуляешься со мной в одно место?

— Куда?

— Ну куда же? Тоже... просто так.

Антс глотнул, глубоко переводя дух. За спиной он услышал еще шаги и сразу понял, что эти шаги имеют отношение к нему. Он всем своим существом понял также и то, что у него нет больше ни малейшей надежды на спасение...

Они быстро добрались до волостного правления. Человек в мундире сказал что-то дежурившему у двери комендатуры часовому, который в ответ лишь широко осклабился и пропустил их. Антса больно ударили по ногам и через полутемный коридор втолкнули в маленькую комнату, сизую от табачного дыма.

За столом у окна сидел круглолицый офицер, что-то писавший. Увидев вошедших, он вопросительно поднял светлые изогнутые брови. Волостной старшина, носивший форму кайцелийтовца, уселся в мягком кресле, а тот, кто шел до сих пор следом за Антсом, стал рядом с ним.

Две пары злых глаз уставились на мальчика, изучая его. Кайцелийтовец и офицер, повидимому, обдумывали что-то, обмениваясь взглядами друг с другом. Очевидно было, что они уже заранее сговорились. И вдруг Антс услышал вопрос, которого он никак не мог предугадать:

— С кем это ты вчера беседовал в зарослях?

— Я? Ни с кем... — начал Антс.

Он не успел кончить фразы, как его изо всей силы ударили по лицу чем-то пружинящим. Старшина вскочил на ноги и угрожающе стоял перед ним, держа в руках резиновую дубинку.

Немец прищурился и кивнул одобрительно. Потом он что-то спросил. И староста ответил ему по-немецки длинной заплетающейся речью. Немец круглым жирным пальцем указал прямо на грудь Антса и снова одобрительно кивнул.

— Ах, нет... ни с кем... паршивый волчонок! — выругался староста, бросив дубинку на разбросанные по столу бумаги.

Некоторое время он сидел неподвижно, затем стал продолжать допрос:

— Это бандит, не правда ли?

Антс проглотил скопившуюся во рту кровь и ничего не ответил.

Допрашивающий стал еще более настойчивым.

— Это бандит? Что? Говори! Ну, говори же!

Мальчик молчал.

— Ах, так! Хочешь продолжать свои фокусы? Ничего, раскроем тебя, как гороховый стручок! — угрожающе сказал старшина.

Но когда мальчик и на это ничего не ответил, он решил прибегнуть к уговорам.

— Ты же ходил в школу, ты неглупый малый. Сам пойми: какие-то босяки, негодяи проделывают свои фокусы, а нам приходится отвечать за это. Поэтому долгом каждого является разведать про злодеев и сообщить о них властям. Расскажи

все как следует, и с тобой не случится ничего плохого. Мы же понимаем... мальчишеские шалости. Я бы даже сказал, что тебя простят за все, что было раньше.

Молчание. Они дали ему немножко времени на размышление, но он попрежнему оставался немым, словно рыба, и это больше всего бесило их. Они ругались и кричали, били его ногами и снова резиновой дубинкой по лицу, по шее, нанося ужасные удары, боль от которых проникала, казалось, до самого сердца. Когда он со стиснутыми зубами вынес и это, они потащили его куда-то, в какой-то темный чулан, заперли дверь и начали пытать его.

Они давили его, выворачивали руки и ноги и били по животу. Но когда и это не помогло, они начали пучками выдергивать волосы из его головы. Потом кто-то начал выламывать ему пальцы — это был унтер-офицер с костлявым, угрюмым лицом. Когда боль стала совершенно нестерпимой, он не смог удержаться и завыл от боли и гнева. Но он не сдался, он только плакал, потому что среди этих ужасных долгих мучений ему даже звук собственного голоса давал нечто вроде поддержки.

Эти муки продолжались весь день. Время от времени они давали ему отдохнуть, чтобы затем продолжать пытки с еще большей беспощадностью. И когда они, уже под вечер, оставили его одного, он в своей темной каморке ужасающе ясно ощутил острый запах крови, исхо-

дивший, казалось, от всего его изуродованного тела.

Он сел прямо на пол, задыхающийся, страшно усталый. И заснул. Глубокий, казавшийся почему-то зеленовато-желтым, разорванным на полосы сон овладел им, бросив навзничь около холодной стены, которая, казалось, нагнулась над ним, словно желая защитить.

Он не имел ни малейшего понятия о том, сколько проспал, как вдруг его словно толкнул кто-то. Он быстро сел. Весь мир грохотал, ревел, будто собираясь сорваться со своих основ, все кругом дрожало. Антс сразу догадался, что это значит. Он с трудом встал, шатаясь подошел к двери и колотил по ней ногами до тех пор, пока наконец не открыли.

Из-за плеча часового выглядывали немецкий офицер и старшина. Было уже темно. В руках старшины жирно поблескивала жестяная лампа. Оба мучителя Антса были бледны, как смерть, и, рассеянно взглянув на него, хотели удалиться. Но мальчик не дал им уйти и прокричал изо всех сил:

— Подождите... подождите... я хочу сказать! Я... я... хочу... сказать все...

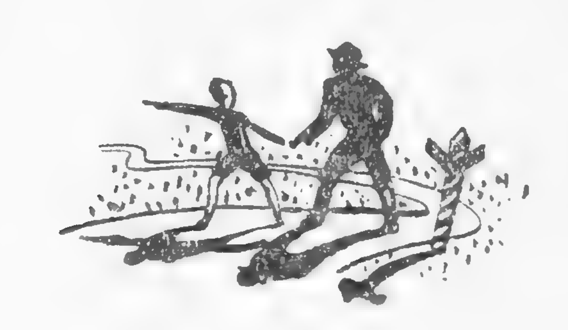
— Потом, успеем с тобой! — нервно ответил старшина.

Но мальчик продолжал кричать:

— Нет, сейчас... сейчас! Не потом! Вот видите... потому что... Да послушайте вы, разбойни-

ки... Об этом-то мы и говорили вчера на берегу ручья! Как раз об этом, да!

Он оперся о притолоку двери и громко засмеялся. Это был веселый, живой смех. Он победил, а теперь будь что будет!

ОТЕЦ

I

Весенний день утомил Хенна. В комнате, где мать сегодня пекла хлебы, было тепло, но сон не приходил. Вот если бы он целый день провел во дворе и в избе дедушки Хендрика, то уснуть было бы нетрудно. Но мать сегодня снова разрешила ему сходить к их родному домику, и он вернулся оттуда лишь вечером — взбудораженный, как всегда. Теперь вот и ворочался на постели: было о чем подумать и вспомнить.

На том самом месте, вблизи леса, где еще прошлой весной стоял их домик, теперь осталось лишь пустое четырехугольное пепелище с сохранившимися кое-где черными, обгоревшими кусками бревен, с полуразвалившейся трубой и печью.

Сирень, росшая около ворот, прошлой весной в такое же время уже была усеяна набухшими почками. Но теперь тонкие ветки обуглились, а более толстые можно было ломать, как хворост.

Хенну тяжко было дышать, оттого-то он и не мог уснуть. И тяжко было дышать потому, что ему вспомнилось, как сильно он плакал в тот ветреный осенний день, когда те, что искали отца и не находили его, забрали все их вещи, все, что попалось под руку, а затем подожгли их домик.

Хенн с матерью тоже были при этом. Мать не плакала, но в глазах и в лице ее было что-то такое, чето Хенн никогда раньше не видел и что было хуже слез.

Мать сказала Хенну, чтобы он не плакал, но удержаться было невозможно. Страх и боль его все росли по мере того, как рос огонь, с треском поднимавшийся от кучи сухого хвороста к крыше родного дома.

Хенн знал, что теперь сгорят все его игрушки и отцовские вещи. Как было не плакать? Те, что искали отца, с ружьями в руках стояли вокруг горящего дома, и Хенн видел напряженное лицо матери и вздрагивающие ее губы...

Когда родной дом был уже весь в огне, словно искра, попавшая в глаз, уколола острая мысль: не остался ли отец в доме, не прятался ли он там от тех, кто искал его и хотел убить?

Даже и сейчас плечи Хенна вздрагивали под одеялом, и стало еще труднее дышать. Но теперь он все-таки сумел удержаться от слез. Нельзя

было плакать, потому что мать еще не легла. Она легко могла бы догадаться, почему Хенн не спит, а плачет. И тогда она никогда больше не пустит его туда, на родное пепелище.

Чтобы успокоиться, Хенн постарался думать о сегодняшних играх. Это ему удалось. Он сегодня весь день играл в тени развалившейся печи, где было так тепло от солнца, будто огонь горел в печи. Он снова привел в порядок свой игрушечный дворик, на который кто-то наступил тяжелым сапогом. Он сложил домик из обгоревших кирпичей, а из веток сирени устроил забор. Куски угля изображали домашних животных.

Играя, Хенн то и дело поглядывал на лес и думал, что если бы он был побольше, он взял бы у дедушки Хендрика топор и стал бы рубить ели. Обтесал бы бревна и начал бы строить дом. Кирпичи трубы и печи сохранились, пепел можно было бы оставить в подполе. И сирени можно было бы насадить, хотя, по словам матери, и эти обгорелые кусты могли пустить новые ростки.

С этими мыслями Хенн заснул. И не слышал, как еще до наступления ночи постучались в окно, как вышла мать и как затрещал пол под тяжелыми, но осторожными шагами и как потом чьи-то прохладные с воздуха губы коснулись его разгоряченного лба.

II

И сегодня, в теплый, туманный, облачный апрельский день, они втроем, как обычно, отправились выполнять свое ночное задание. У всех троих немец сжег дома, и все трое знали, что враг усердно старается напасть на их след. Только собственная зоркость служила им защитой. Смелость и изобретательность приносили удачу. Общая цель, общая ненависть к врагу, общая вера в победу спаяли их мысли и дела.

Сегодня Иозепу Кальюсу нелегко было сосредоточить мысли на предстоящей задаче. Что-то было сейчас не так, как в ту осеннюю ночь на берегу Чудского озера, когда был убит часовой и огонь, поднявшись до небес, расшвырял полный амбар гранат, мин и патронов. Что-то было сегодня не так, как тогда на Вирусском шоссе, где быстрый, как молния, налет трех партизан уничтожил обоз из семи грузовиков; или на прибрежье Харьюмаа, где брошенные в окно гранаты прервали кутеж гитлеровских морских офицеров; или там, в Ярвимаа, где мост на шоссе с грохотом взлетел вместе с первой автомашиной большого вражеского каравана.

Иозеп Кальюс хорошо знал, почему он сегодня чувствовал себя не так, как обычно перед выполнением боевого задания. Это происходило от близости к родному пепелищу.

Он знал здесь каждую дорожку, каждую тропинку, и именно ему пришлось быть предводите-

лем в сегодняшнем деле. Но сегодня он видел жену и, склонившись над постелью сына, почувствовал на лице его теплое дыхание. В его сумке лежал свежеиспеченный хлеб, а мозг осаждали воспоминания о прошлом, мысли о будущем. Это вызывало волнение, с которым приходилось бороться, которое нужно было сдерживать, чтобы оно не помешало выполнить задание.

Трое товарищей молча шагали в теплой туманной ночи. Кончился лес, и начались луга; чем ближе они подходили к реке, тем влажнее становились луга.

Иозеп Кальюс и в темноте отыскал канаву, по высокому краю которой они легко дошли до реки. Здесь они нашли лодку, привязанную к корням ивы. Сейчас, в дни рыбной ловли, лодка была в полном порядке; даже весла лежали на месте — бери и отправляйся.

Издали, с шоссе, донесся сильный однообразный шум мотора.

Крестьянская лодка в состоянии была поднять троих мужчин, их оружие и тяжелые свертки, бывшие с ними. Вниз по течению им предстояло спуститься до моста, по которому немцы перебрасывали оружие и боеприпасы, доставленные морем, на свой восточный фронт, туда, откуда, словно весенний гром, доносился, усиливаясь с каждым днем, грохот советской артиллерии.

Сегодня мост должен был взлететь, как и многие другие вдоль той же дороги.

Иозеп Кальюс веслом направлял лодку, кото-

рую быстро несло весеннее половодье. Нет, теперь не время вспоминать воскресные утра, когда он вместе с сыном приходил сюда удить рыбу. Нужно быть настороже, чтобы весло не плеснуло в воде, чтобы никто не кашлянул. В полной тишине нужно было приблизиться к мосту, чтобы часовой ничего не заметил.

— Теперь... тихо!—шопотом произнес Кальюс.

Под мостом река стала у́же, лодку несло течением все сильнее. Было темно, туманно. Ни немец, охранявший мост, не заметил лодочников, ни те не увидели часового. Слышались лишь шаги его по деревянному настилу моста.

Шум мотора, несшийся с шоссе, усилился. Ясно было, что это не автомобиль, а трактор или танк.

Кальюсу удалось ухватиться за стойку мостового быка; он быстро накинул отстегнутый ремень винтовки на бревно и продел руку в ремень, чтобы лодка остановилась, а руки были свободны. Дальше все пошло как по маслу. Вода поднялась высоко. Стоя в лодке, Кальюс легко дотянулся и заложил взрывчатое. Потом он наощупь отмерил кусок запального шнура, закрепил его при помощи самодельного патрона, открыл крышку трубки и, не зажигая света, пустил искру на запальный шнур.

Но этот шум мотора...

Нет, на этот раз нельзя полагаться только на запальный шнур. То, что там грохочет, либо про-

скочит через мост, либо невредимым останется на дороге. Нужно действовать наверняка.

Решив так, Кальюс сразу понял, что придется пустить в ход ручную гранату и моток крепкой рыболовной бечевки. Умелыми руками прикрепив гранату к взрывчатому, он привязал бечевку к кольцу предохранительной чеки. Затем развязал ремень и, осторожно пропуская сквозь пальцы бечевку, пустил лодку по течению.

Ухода партизан часовой не заметил, как не заметил и прихода.

Когда они отплыли от моста метров на сто, клубок сделался совсем маленьким. Партизаны остановили лодку около росшей на берегу ивы. Держась за ее ветки, они ожидали...

Вскоре по камням, которыми было вымощено шоссе перед мостом, с тяжелым грохотом покатилась машина.

Бечевка была в руке у Кальюса.

Вот ясно донесся изменившийся звук танковых гусениц, перешедших с каменной мостовой на гулкий настил моста.

Кальюс натянул длинную погрузившуюся в воду бечеву.

Бечева поддалась и...

В темноте вспыхнуло облако яркого желтоватого пламени, при свете которого партизаны ясно увидели трактор с тяжелым орудием. Через мгновение раздался взрыв, потрясший землю и воду.

Мост развалился. Тяжелое орудие вместе с машиной, грохоча, полетело в реку.

Течение и сильные взмахи весел понесли лодку с тремя партизанами сквозь туман и темень к большому лесистому болоту.

III

Наступил новый день, с ярким солнцем и тихим. теплым весенним ветерком. Хенн бродил по двору, ища себе занятия, но мысли его были далеко. Дедушки не было дома, и ему стало скучно. Он заметил за амбаром аккуратно сложенные старые кирпичи, и ему очень захотелось отправиться на родное пожарище. Он решил очистить от обгорелой глины все кирпичи, оставшиеся от трубы и печи, и сложить их, чтобы они были под рукой, когда вернутся наши войска и отец захочет снова отстроить дом. Однажды, когда Хенну особенно взгрустнулось, мать ведь шепнула ему на ушко, что когда вернутся красноармейцы, вместе с ними вернется и отец.

Хенну очень хотелось отправиться на работу к развалинам родного дома, но он не находил удобного случая, чтобы отпроситься у матери. Мать сегодня опять была какая-то странная. Она молча проходила мимо Хенна, будто не замечая его. Она казалась обеспокоенной, и беспокойство ее передалось Хенну. Непонятно было, ждет ли она чего, боится ли чего.

Вернулся дедушка. Он ездил к кузнецу чинить плуг. Хенну хотелось поговорить с ним, но дедушка, едва сойдя с телеги, спросил, где мать, и,

узнав от Хенна, что она в хлеву, тотчас же деловито поспешил туда. Хенн понял, что у дедушки есть какая-то новость, и пошел за ним.

Мать поила теленка. Дедушка стоял рядом и тихо, с жаром что-то рассказывал ей.

— ...Сам ходил смотреть. Близко не подпускали, но я ясно видел, что моста на реке как не бывало, словно его ветром сдуло...

Больше Хенн ничего не услышал, потому что мать заметила его и спросила, что ему нужно. Хенну хотелось спросить о мосте, который сдуло словно ветром, но было ясно, что с ним не желают говорить об этом, и он спросил:

— Можно мне пойти туда... к нашему дому? Я сложу там кирпичи, чтобы легче было брать их, когда понадобится.

— Ступай, — ответила мать.

Хенн догадался, что от него хотят избавиться, и ему стало немного грустно. Волнующий рассказ деда о мосте не выходил из головы. «Сам ходил смотреть... ясно видел». Очевидно, дедушка говорил не о каком-нибудь далеком происшествии и передавал не то, что слышал от других. Нет, это свой, ближний мост, который снесло словно ветром. Как это возможно, чтобы словно ветром снесло мост? Этот вопрос сильно занимал Хенна. Но он знал, что ему туда нельзя. Тем более что даже разговор о мосте постарались скрыть от него. И тем более что даже дедушку не подпустили близко...

Прекрасная погода, еще более солнечная и

теплая, чем вчера, вскоре немного развеселила его. Путь от дедушкина двора к пепелищу пролегал по межам, мимо одиночных усадеб. Поля стояли покрытые прошлогодним жнивьем. Хенн смотрел на эти пустые, словно покинутые поля и вспомнил вчерашние дедушкины слова: «Чем вспашешь, если нет лошади? И чего ради зря тревожить землю, если немцы сожрали семена?» Вот когда немцев выгонят, тогда снова вспашут и засеют землю.

Это Хенн подумал словно украдкой, потому что сам дедушка произнес эти слова хоть и твердо, но очень тихо. Хенну казалось, что есть вещи, о которых даже думать нужно шопотом.

А вот жаворонки ничего не боялись. Их громкие веселые трели заполняли все поднебесье. Ни минуты перерыва, в воздухе так и звенело.

Дойдя до пепелища, Хенн начал высматривать место, куда бы сложить кирпичи. При этом он продолжал свои размышления: «Вот и я, — хотя я и маленький, выступаю на борьбу с врагом».

Вражеский огонь сжег дом и раскидал кирпичи печи. Дом Хенну не построить — это сделает отец, если он не погиб. Но камни Хенн сам сложит, назло этим чертям немцам с ружьями.

Но вдруг и руки и даже мысли Хенна остановились. Поднятый им кирпич упал, больно задев ногу. Глаза сделались большими, и мальчик повернул голову, будто желая убедиться, не сон ли это... Рядом с камнями, на том месте, где он

играл вчера, паслось целое стадо. Там стояло семь пестрых коров — новые коровы, между рогами которых на месте срезов еще краснел свежий ольховый сок. А около камня, изображавшего конюшню, стоял замечательный конь... ольховый конь, с ногами, сделанными из прутьев ивы, с гривой из побуревшего мха. Хенн сразу понял, кто это сделал.

Он задрожал от волнения. Вот теперь-то и надо было думать шопотом, но сердце готово было кричать от радости.

Хенну невтерпеж стало одному. Быстро собрав стадо, он бережно засунул животных в карман и побежал домой.

Выйдя из-за опушки леса, он увидел, что мать вышла на картофельное поле, чтобы раскидать удобрение. Она работала на высоком косогоре, за которым не было ни леса, ни домов. На бегу Хенн все время видел белый платок матери, который раскачивался между желтоватой землей и синим небом. Не раз ноги Хенна больно задевали за камни, но мальчик не спускал глаз с матери и не вынимал рук из карманов, чтобы не потерять животных.

— Мать, погляди... Это я нашел там...

Мать безмолвно уставилась на игрушечных ольховых животных, которых ей показал Хенн. Она была удивлена, даже испугана.

— Я знаю, это сделал отец, — сказал Хенн тихо, но уверенно, точь-в-точь как иногда говорил дедушка.

— Если знаешь, помолчи, — сказала мать, наклонившись к сыну. — Не говори никому ни слова об этом, потому что об отце никто не должен знать.

— Так отец... жив?

— Жив. И борется с теми, кто сжег наш дом.

Хенн молчал, больше не спрашивая ни о чем. Последние слова матери прозвучали для него как весть о победе.

Потому что он знал: ни одного дела, которое начинал отец, он не бросал на полдороге.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *И. Резникова.*
Подписано к печати 18/IX 1942 г.
$1^{1}/_{8}$ печ. л. (0,95 уч.-изд. л.).
44 640 зн. в печ. л. Тираж 25 000 экз.
Л94865. Заказ № 2352.
Цена 55 коп.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 35 коп.